

— Как по-вашему, с чего начинается цирк для ребенка?

— Я думаю, с того момента, когда он впервые слышит это слово и задает вопрос, что такое цирк?

— А как бы вы ответили на этот вопрос?

— Цирк — это сказка. Можно ли объяснить, что такое сказка? Предоставим малышу самому увидеть, понять и полюбить волшебный круг манежа.

— Кто, по-вашему, главный в цирке?

— Сказочник, то есть клоун. Я думаю, цирк смог бы существовать без фокусников и воздушных гимнастов, зрители простят нам непослушания зверей или неудавшийся трюк, но цирка без хорошего клоуна просто быть не может. Что же сказка без сказочника?

— У вас есть любимый клоун?

— Я видел на манеже много прекрасных клоунов, но больше всего люблю Леонида Енгибарова, «клоуна с осенью в сердце», как его называли, актера не только цирка, но театра, эстрады, кино, клоуна, каждая реприза которого пронизана философской мыслью. Он никогда не смешил ради смеха, его называли поэтом цирка. В 1964 году на конкурсе в Праге Енгибарова признали лучшим клоуном Европы. В ГИТИСе, на учебной сцене, я ставил спектакль о Леониде Енгибарове под названием «Я клоун». Мечтаю поставить этот спектакль на манеже.

— Какая дорога привела вас в цирк?

— Долго занимался пантомимой, нравилось, случайно узнал, что в Москве, в ГИТИСе, набирают курс режиссеров цирка, решил попробовать, оставил Одессу ради Москвы, и... мне повезло.

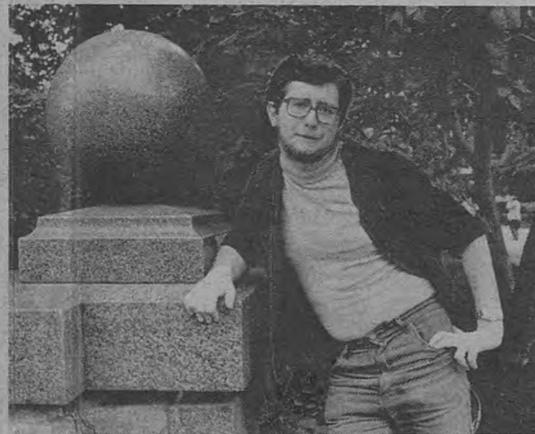
— Отделение режиссеров пока единственное в мире — не так ли?

— Туда приходят ребята, влюбленные в цирк, часто бывшие цирковые артисты, униформисты, осветители. Каждый стремится за-

«Цирк — это целая жизнь»

Труба играет соло. Два луча высвечивают трубача и воздушную гимнастку. Она летит к нему, медленно-медленно, прелестная и легкая. Музыка, заливающая все пространство, замирает, тускнеющие лучи будто не в силах больше бороться с темнотой. Они уступают ей. Вспыхивает свет. Нет ни трубача, ни гимнастки, но осталось ощущение чуда, понятного детям и взрослым, и зал замирает. Так используем же эти секунды затишья перед аплодисментами и дадим слово Петру Дубинскому, режиссеру цирка, этой «маленькой желтой планеты диаметром 13 метров», по выражению знаменитого клоуна Леонида Енгибарова.

Петр Дубинский недавно окончил ГИТИС, отделение режиссеров цирка. Назначен главным режиссером цирка города Одессы.

ниматься тем, что ему ближе. Кто-то хочет работать с гимнастами, кто-то с клоунами. Здесь изучают историю цирка, театра, изобразительного искусства, музыки, советской и зарубежной режиссуры.

— Вы начинаете свою работу как профессионал в Одессе, городе, известном своими шутками, как Габрово в Болгарии. Не страшно?

— Очень страшно. Но ведь каждому актеру жутковато впервые выйти на сцену.

— Расскажите, пожалуйста, об одесском зрителе.

— Одесса — город, который дал нашей культуре Ильфа и Петрова, Багрицкого, Паустовского, Катаева, Олешу, Ойстраха и многих других. Этот город невозможно не любить.

Ну а кроме того, он — город моего детства. Когда я поступил в ГИТИС, меня спрашивали об Одессе, и я так увлеченно говорил о ней, что, кажется, именно этим и понравился комиссии.

— Одесский зритель очень сложный. Клоун Юрий Никулин рассказывал, что, когда цирк приезжал в Одессу, каждый городской квартал делегировал самого признанного с точки зрения юмора, шутки человека на первое представление. И если он говорил: «Стоит посмотреть» — цирк имел успех, но если он говорил: «Пусть такое смотрит Жмеринка» — цирк прогорал. Это зритель, удивительно тонко чувствующий юмор. В среде актеров есть поверье: «Если ты

прошел Одессу, ты пройдешь везде». Одесские зрители никогда не будут вежливо хлопать, если им не понравился спектакль или актер, могут и освистать, но если уж понравилось — устроят овацию и на руках отнесут в гостиницу, как это случилось с Аркадием Райкиным.

— Мне хочется ставить спектакли об Одессе, о ее удивительных людях и ее истории.

— Каким вы видите цирковое представление будущего?

— Мне кажется, что время набора номеров, скрепленных клоунскими репризами, уходит. Цирк от программы идет к спектаклю. Никого уже не удивит сложный трюком, но когда на манеж выходит

настоящий артист, такой, например, каким был Енгибаров, и делает этот трюк не ради трюка, а ради создания образа, зритель перестает быть сторонним наблюдателем, вовлекается в действие, сопереживает Артисту.

— В чем, по-вашему, отличие советского цирка от других цирков мира?

— Наверное, в том, что у нас цирк любят все и везде. И относятся к нему серьезно. У нас в стране создано первое в мире училище циркового искусства для подготовки профессиональных артистов. Кстати, в Советском Союзе только стационарных цирков 64. Мы относимся к цирку как к искусству. Каждый номер — это спектакль. Он не может быть создан без балетмейстера, композитора, режиссера, а это повышает его культуру.

— С чем у вас ассоциируется цирк?

— ...Пожалуй, с кораблем. Те же канаты и веревочные лестницы, та же опасность, та же тяга к переменам места.

А вообще цирк — это особая жизнь со своими законами, традициями. И даже приметами. Нелзя, например, сидеть спиной к манежу — это значит выражать свое неуважение к нему.

— А что в этой жизни для вас дороже всего, ну, кроме клоунов, конечно?

— Как ни странно... ночной манеж, вы знаете, это удивительно. Если ночью идешь по манежу, то звуки твоих шагов многократно повторяет эхо цирка. Можно хлопнуть в ладоши, и из-за удивительной акустики цирка вам покажется, что заплодировал пустой зал. И, честное слово, в эти секунды я вижу великих артистов, вся богатая история цирка будто оживает, перестает быть учебником...

Интервью вела
Екатерина ПАСХАЛОВА.
Фото Андрея КНЯЗЕВА.

Московские новости №37 11/IX-83г